

Политические и культурные аспекты истории македонского национализма в 1920 – 1930-е годы

В центре настоящей статьи – проблемы развития македонского национализма между двумя мировыми войнами. Автор анализирует особенности развития националистического дискурса, а также его основные версии – болгарскую и македонскую. Показана роль интеллигенции в развитии македонского национализма.

Ключевые слова: Македония, македонский национализм, болгарский национализм, национальное движение, националистическая полемика, национальное воображение

The author analyze main problems in development of Macedonian nationalism in inter wars period. The author pay attention to main features of Macedonian nationalistic discourse and two its main (Macedonian and Bulgarian) versions also. The role of intellectual community in development of nationalism is also analyzed.

Key words: Macedonia, Macedonian nationalism, Bulgarian nationalism, national movement, nationalistic polemic, nationalistic imagination

После завершения первой мировой войны в развитии македонского националистического движения начинается новый этап. Поражение в первой мировой войне привело к национальной катастрофе. Болгарское общество, точнее – его национально ориентированная часть, интеллигенция, крайне тяжело переживало то, что Болгария не смогла объединить те македонские земли, которые воспринимались как исторически и этнически болгарские [1]. Само участие Болгарии в войне воспринималось болгарскими националистами как проявление «исторических и политических потребностей» болгарской нации [2]. В 1919 году македонские националисты проболгарской ориентации указывали на принципиальную важность Македонии для Болгарии, полагая, что только активное национальное движение может привести этот регион к «свободе и цивилизации» [3]. Для значительной части болгарского общества македонцы были болгарам, которые томились под иноземным, сербским и греческим, господством [4], а македонская история – особенно: история национальной и революционной борьбы – была частью «большой» болгарской истории [5].

В 1920 году возобновляет свою деятельность ВМРО. 11 июня 1920 происходит собрание ЦК организации, на котором принимается решение,

что конечной целью македонского движения является «завоевание свободы – в форме автономии или независимости – Македонии в ее этнографических и экономических границах» [6]. Определение предполагаемых границ свободной Македонии свидетельствует о том, что воображаемый концепт Македонии как политической нации к тому времени был достаточно развит и проработан македонскими националистами. К 1920-м годам в рамках македонского национализма актуализированным оказался и образ врага. На роль «врага № 1» претендовала Сербия, которая контролировала часть македонских территорий [7]. Поэтому в протоколе ЦК ВМРО от 11 июня 1920 года содержался специальный пункт «Македония под сербским рабством» («Македонија под српско ропство»), в котором декларировалась необходимость «с другими поработенными народами в Македонии и других областях Югославии» бороться «за завоевание федеративного управление в Югославии и Македонии, как равноправном члене федерации». Македонские националисты болгарской ориентации уделяли значительное внимание критике Югославии, полагая, что это государство является проектом сербских националистов, целью которого является полное подчинение всего Балканского полуострова и сербизация несербских этнических групп [8]. По мнению болгарских националистов, Белград, сербский «денационализаторский режим» [9], в отношении Македонии проводил политику, направленную на «уничтожение целого народа», обладающего «своей историей и культурой» [10]. В своих статьях Хр. Татарчев настаивал, что сербское правительство, «сърбски палачи» [11] намеренно проводит политику «системного и жестокого уничтожения» [12] македонцев, их ассимиляции, стремясь к созданию «пансербского гомогенного государства» [13]. В этой ситуации Хр. Татарчев полагал, что в Югославии доминировали «централистские пансербские тенденции» [14], что исключало демократизацию страны. Христо Твтарчев подчеркивал, что сербское господство в Македонии является «самым несчастным» периодом в ее истории [15], а правящий режим в Югославии, основанные на «сербском притеснении» несербских групп [16], определялся им как «варварский» [17].

Этот сербский нарратив чуждости в рамках македонского национализма имел две версии, что было вызвано фрагментацией политического пространства. Первая версия была представлена собственно македонскими националистическими интерпретациями

сербской политики как антимакедонской, вторая – болгарскими концептами. В силу того, что болгары воспринимали Македонию как исторически и этнически болгарский регион, антимакедонская политика Белграда оценивалась болгарскими националистами как антиболгарская, что привело к глорификации болгарских деятелей в Королевстве СХС, пострадавших от политических преследований [18]. В болгарской национально ориентированной публицистике 1990 – 2000-х годов особой популярностью пользовалась тема «страшного оккупационного сербского режима» в Македонии. По мнению болгарских авторов, Сербия проводила планомерную политику ослабления, разрушения и уничтожения болгарской идентичности в Македонии, ликвидировав болгарскую Церковь, заселяя территория Македонии сербскими колонистами, политически преследуя болгарских деятелей [19].

Болгарский публицист Христо Татарчев, комментируя политику Белграда в отношении Македонии, указывал на то, что сербы проводят политику ассимиляции и денационализации болгарского населения в Македонии [20]. Татарчев настаивал на необходимости поддержки антисербского и проболгарского движения в Македонии, полагая, что свобода для македонцев является «насушной необходимостью для национального и культурного развития» [21]. Христо Татарчев в своих текстах культивировал крайне неаттрактивный образ Югославии, как государства, где политически доминируют сербы, проводящие политику ассимиляции других народов. В частности, Хр. Татарчев с сочувствием относился к хорватскому освободительному движению усташей. Для Хр. Татарчева лидеры усташей – «благородные политические борцы». По мнению Хр. Татарчева, македонский и хорватский национализм были близки в своем стремлении к политической свободе и освобождению от гегемонистских устремлений Белграда [22]. В другой своей работе Хр. Татарчев подчеркивал, что сербские националисты в Югославии угнетают не только хорватов и македонцев, но и черногорцев, а также албанцев [23].

Попытки интеграции македонского в контекст болгарской идентичности характерны и для работ Георги Трайчева. В своем исследовании «Духовные качества македонских болгар» он предпринял попытку доказать то, что македонцы являются составной частью болгарской нации. Георги Трайчев, воспринимая македонцев как часть болгарской нации, настаивал на том, что македонцы (и следовательно – болгары) являются

наследниками античной политической традиции. Анализируя историю Македонии, Г. Трайчев стремился подчеркнуть ее уникальность и значительный вклад македонцев, которых он считал болгарскими, в историю Болгарии. В частности, Георги Трайчев настаивал, что именно в Македонии возникло не только богомилство, но и началось болгарское национальное возрождение. По мнению Г. Трайчева, Македония исторически развивалась как болгарский регион. Следовательно, литературные и религиозные традиции македонских славян являются частью истории болгарской культуры. В связи с этим Г. Трайчев подчеркивал, что Охридская Архиепископия являлась болгарской религиозной институцией [24].

Значительная роль в формировании и развитии болгарского концепта Македонии принадлежит Ивану (Ванчо) Михайлову. Иван Михайлов в своих выводах был почти всегда крайне категоричен: он полагал, что Македония исторически, культурно и лингвистически является болгарским регионом, а на его территории проживают болгары [25]. Иван Михайлов, подобно другим македонским националистам проболгарской ориентации, активно формировал образ «другого», настаивая, что основная угроза македонцам («македонским болгарам») исходит от националистических устремлений Греции и Сербии [26]. Несмотря на значительную активность сторонников болгароцентричного восприятия Македонии и македонцев как части болгарской нации, этот интеграционный и национальный проект во второй половине 1930-х годов начинает функционировать в условиях острой конкуренции с македонским националистическим проектом, который представлял собой альтернативу болгарским интерпретациям Македонии.

Альтернативная точка зрения была связана с попытками культивирования особой македонской культурной и этнической идентичности, которая отличалась бы от сербской и болгарской. Но и в этой ситуации македонские националисты признавали, что единую македонскую идентичность только предстоит создать, о чем свидетельствовало то, что часть македонцев идентифицировала себя как болгар [27]. В первой половине 1920-х годов Крсте Мисирков вынужден был констатировать, что уверенность и оптимизм македонских националистов относительно политической сознательности македонцев и веры в «свободу нации» оказались явно преувеличены. Поэтому К. Мисирков признал, что особое внимание следует уделять развитию македонской идентичности, основанной на культуре и македонской истории [28]. Мисирков

позиционировал македонцев как одну из наиболее старых европейских наций. Которая обладала «историческим прошлым и вековыми традициями» [29]. В период между двумя мировыми войнами македонские националисты решились восполнить этот пробел, осознав, что только политическая идентичность и своеобразный националистический революционаризм, связанный с наследием Илинденского восстания и деятельности македонских националистов до первой мировой войны не могут служить в качестве достаточных и надежных оснований для дальнейшего развития македонского национализма.

Между двумя мировыми войнами в рамках македонского националистического движения предпринимались попытки актуализировать проблемы, связанные с идентичностью – в первую очередь, с македонским языком. Значительный вклад в актуализацию идентичностной проблематики внес Македонский литературный кружок [30], существовавший в Софии во второй половине 1930-х годов. Анализируя существование и функционирование этого объединения македонских интеллектуалов, следует принимать во внимание ряд факторов, а именно: кружок существовал в период, когда политическое и национальное будущее Македонии оставалось неясным; группа интересовалась в большей степени политическими проблемами и было, вероятно, объединением политических националистов; участники кружка в своем большинстве писали на болгарском языке, хотя некоторые из них пытались институционализировать новую норму, которая, по мнению болгарского исследователя Ангела Тодорова, в перспективе могла трансформироваться «в особый и отдельный национальный язык» [31].

Лидером кружка был македонский поэт левой ориентации Никола Вапцаров [32], который писал на болгарском литературном языке, но и был македонским националистом, что дает повод болгарским и македонским интеллектуалам считать его своим. Никола Вапцаров в октябре 1938 года прочитал на болгарском языке реферат, который ставил целый ряд вопросов, связанных с развитием македонской идентичности и национализма: «Что мы, товарищи, делаем, чтобы помочь тем, что участвует в политике? Что мы делаем для нашей организации? Что делаем для македонской литературы? Складывается впечатление, что уже существует группа людей, которые пишут, и, которые не забыли Родину? ... Мы должны быть в авангарде... Многие из нас шли нога в ногу с

политическими требованиями момента и в своих сердцах мы ощущали остроту македонского вопроса». Придерживаясь левых взглядов, Никола Вапцаров, отвечая на эти, поставленные им самим вопросы, указывал на необходимость национального развития Македонии при условии решения социальных проблем: «Каковы наши задачи? Об этом мы можем говорить много... но наши старики умирают еще до со смерти... но они, друзья, остаются жить в душе народа... но если мы будем утверждать, что наша молодежь не имеет македонского сознания, мы должны предоставить полную свободу действий для учителей, которые борются с неуважением македонского» со стороны немакедонцев [33]. Болгарский исследователь П. Галчин, комментируя левые политические симпатии и предпочтения участников Македонского литературного кружка, подчеркивает, что он стал «проводником политики БКП среди македонских беженцев в Болгарии» [34]. В этом контексте Николу Вапцарова можно рассматривать как одного из идейных предшественников македонских националистов в СФРЮ, которые стремились синтезировать ценности македонского национализма с левой политической риторикой югославского социализма.

Для националистических построений Николы Вапцарова характерно стремление подчеркнуть континуитет между различными поколениями македонских националистов. Именно поэтому в его поэтических текстах мы находим мотивы, связанные с Илинденским восстанием: «И восстание началось... кровью простых людей объединил нас Илинден... раньше в Крушево пребывало в феодальной власти и какой прыжок мы совершили – теперь начали строить Республику ...! А если вам и после этого нужны лозунги - хорошо! Свободы! Свободу, а не протекторат!» [35]. Аналогичные социальные мотивы представлены и в других произведениях Н. Вапцарова: «тяжко тебе, моя Родина, жестокий кошмар, обкуранный кровью, царит на твоих просторах, и я прошу вас - всех вас, пришло время сказать? Мы поражены темнотой. А в темноте – рабство. Голод. Словно сотни лет назад... люди умирают, но... я все еще люблю тебя, Родина... и мое сердце тревожно реет словно флаг вечного стремление всех бездомных и униженных к хлебу» [36]. Тексты Н. Вапцарова отразили процесс сближения национальных и социальных трендов в политической жизни межвоенной Болгарии, как страны, которая предпринимала попытки решения македонского вопроса путем интеграции македонской идентичности в болгарскую. Несмотря на то, что националистический македонский тренд в

текстах Н. Вапцарова представлен в незначительной степени, они важны как отражение постепенного полевения македонского политического национализма.

Другой участник кружка, Антон Попов, полагал, что во второй половине 1930-х годов македонский национализм столкнулся с новыми противниками: «именно от того, что у нас есть такие противники, именно потому, что Македония стала предметом устремлений новых империалистов и ареной империалистического фронта, мы обязаны твердо и ясно придерживаться наших македонских взглядов, мы должны быть в состоянии защитить наши убеждения от провокаций тех, кто посягает на нашу Македонию» [24]. Подобное восприятие внешней опасности свидетельствует о тех трансформациях, которые в рамках македонского националистического дискурса пережил образ «чужого». Контент чуждости в рамках македонской националистической идеологии постепенно стал маркирован не национально, этнически и религиозно, но в наибольшей степени социально. Социальный тренд в македонском национализме, вероятно, в наибольшей степени характерен для работ Кочо (Косты) Рацина (1908 – 1943) – участника Македонского литературного кружка. Рацин благодаря своим не только македонским националистическим настроениям, но и левым идеям (поэт был членом КПЮ) подвергся репрессиям не только в Югославии, но и в Болгарии, которая в ходе второй мировой войны оккупировала македонские земли, которые ранее контролировались Белградом. Кочо Рацин – македонский националист в политическом плане. Этнизированный компонент для националистических идей поэта, жившего до кодификации македонского литературного языка и писавшего на болгарском и на сербском языках, характерен в наименьшей степени. Наиболее значительное литературное произведение К. Рацина – сборник «Бели мугри». Значительное место в текстах К. Рацина занимает *социальный и революционный* элемент, что, вероятно, свидетельствует о попытках со стороны членов Македонского литературного кружка реализовать лозунг болгарского левого интеллектуала В. Александрова о необходимости создания «македонской национально-революционной литературы» [37], выдвинутый им в 1936 году.

Период 1920 – 1930-х годов оказался важным этапом в развитии македонского национализма. Македонский национализм на том этапе испытывал явные трудности с самопозиционированием и

самоидентификацией. Несмотря на это было создано и распалось несколько националистических организаций и возникла мощная национальная идея, которая базировалась на доктрине политической нации. Развитие македонского национализма было явно деформировано. В отличие от других националистических движений в Европе, в том числе – и на территории европейской периферий, в Македонии изначально возник сам концепт «Македонии» как политической нации и воображаемого, политического и националистического, сообщества. В то время, если история других европейских национализмов развивалась от идеи нации, осознания необходимости создания и унификации единого национального языка, наделения сообщества историей к осознанию себя как политической нации, претендующей на институционализацию в виде создания государства (желательно национального, очищенного от «чужих» и «других»), то в рамках македонского националистического движения на протяжении длительного времени вопросы и проблемы идентичности и языка играли второстепенную роль. В наибольшей степени в этом направлении преуспели болгарские националисты, которые предложили концепт македонской идентичности как части большого болгарского политического и националистического проекта. Параллельно предпринимались попытки реализовать македонский проект в рамках сербской и греческой идентичности. Ситуация осложнялась и тем, что постепенно складывался и собственно македонский национализм, для которого были важны не только политические измерения македонского проекта, но и его идентичностный уровень, связанный, в первую очередь, с кодификацией языковой нормы.

Эпоха 1920 – 1930-х годов, вероятно, может быть определена как предпарадигмальная фаза в развитии македонского национализма, когда македонский национализм был представлен несколькими националистическими движениями и взаимоисключающими националистическими проектами развития идентичности. Острейший политический кризис на Балканах конца 1930-х годов привел к тому, что страны региона оказались втянуты во Вторую мировую войну. Югославия временно перестала существовать как государство, а Болгария, воспользовавшись поражением Югославии и Греции, оккупировала часть принадлежащих им территорий, где проживало славянское население, которое к тому времени было известно как македонцы или македонские

болгары. Попытка болгарских националистов построить Великую Болгарию и интегрировать македонцев в состав большой болгарской политической нации завершилась неудачно. На завершающем этапе второй мировой войны Югославия и Греция вернули территории, на которые претендовала Болгария. Территория Македонии вновь оказалась разделенной между тремя государствами. Болгария и Греция взяли курс на принудительную ассимиляцию македонцев, разрушение их региональной идентичности, интеграции в болгарский и греческий политические проекты. Иную тактику выбрали югославские коммунисты, которые пошли на федерализацию страны и институционализацию региональных идентичностей, в том числе – и македонской. Обладая значительным политическим опытом, македонские националисты в новой Югославии предприняли попытку радикальной институционализации македонской нации, что выразилось в культивировании не только политической, но и этнической идентичности, представленной лингвистическим и историческим воображением македонских националистов.

Библиографический список

1. Татарчев Хр. Становището на Вътрешната македонска революционна организация по македонския въпрос / Хр. Татарчев // Сила. – 1919. – № 40. – С. 4 – 6.
2. Татарчев Хр. Българската външна политика и македонския въпрос / Хр. Татарчев // Заря. – 1930. – 17 юли.
3. Татарчев Хр. Едно осветление на българското общество / Хр. Татарчев // Сила. – 1919. – № 33. – С. 3 – 5.
4. Татарчев Хр. Индия и Македония / Хр. Татарчев // Македония. – 1932. – 9 февруари.
5. Татарчев Хр. Илинден – символ на свобода и сплотеност / Хр. Татарчев // Македония. – 1933. – 18 юли.
6. Протокол на ЦК на ВМРО за востановување на дејноста по Првата светска војна, 11.06.1920 год // <http://www.angelfire.com/super2/vmro-istorija/Dokumenti/prot920.html>
7. Палешутски К. Македонският въпрос в буржуозна Югославия, 1918 – 1941 / К. Палешутски. – София, 1983 // http://www.kroraina.com/knigi/kp_b/
8. Татарчев Хр. Пансръбската идея и македонския народ / Хр. Татарчев // Заря. – 1930. – 3 юли.
9. Татарчев Хр. Една престъпна и опасна пропаганда / Хр. Татарчев // Македония. – 1932. – 7 – 13 октомври.
10. Татарчев Хр. Резигнация и революционна борба / Хр. Татарчев // Македония. – 1930. – 22 – 25 август.

11. Татарчев Хр. Македонската младеж в миналото и днес в борбата за свобода / Хр. Татарчев // Вардар. – 1932. – № 13. – С. 1 – 2.
12. Татарчев Хр. Преданна обща борба. Това е священият лозунг на свободата / Хр. Татарчев // Македония. – 1933. – 10 февруари.
13. Татарчев Хр. Атенатите в Югославия / Хр. Татарчев // Заря. – 1931. – 26 август.
14. Татарчев Хр. Последната конституционна игра на крал Александър / Хр. Татарчев // Заря. – 1931. – 1 октомври.
15. Татарчев Хр. Въпросът за малцинствата изоставен / Хр. Татарчев // Македония. – 1932. – 16 април.
16. Татарчев Хр. Необходимост на обща революционна борба на потиснатите народи / Хр. Татарчев // Заря. – 1931. – 31 юли
17. Ципушевъ К. 19 години въ сръбскитъ затвори. Спомени / К. Ципушевъ. – София, 1943.
18. Боярджиев С. Македония под сръбско иго, 1913 – 1941 / С. Боярджиев // <http://www.kroraina.com/knigi/sb/>
19. Татарчев Хр. Атенатите в Югославия и европейската дипломация / Хр. Татарчев // Заря. – 1930. – 27 март.
20. Татарчев Хр. Франция и Югославия в ОН и македонската борба / Хр. Татарчев // Македония. – 1932. – 9 март.
21. Татарчев Хр. Хървати и македонци / Хр. Татарчев // Заря. – 1930. – 12 май.
22. Татарчев Хр. Малциствата и англо-френската политика / Хр. Татарчев // Заря. – 1930. – 18 юни.
23. Трайчев Г. Духовните качества на македонските българи / Г. Трайчев. – София, 1928 // http://www.kroraina.com/knigi/rami/gt/gt_2.html
24. Михайлов И. «Македонска трибуна»: македонско освободително дело и прервата от 19 май 1934 година / И. Михайлов // http://www.kroraina.com/knigi/im2/im2_1.html
25. Михайлов И. Sub iudice lis est – Делото е открито / И. Михайлов // http://www.kroraina.com/knigi/im2/im2_2.html
26. Мисирков К. «Повече македонци» / К. Мисирков // <http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii2.html>
27. Мисирков К. Македонска култура / К. Мисирков // <http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii2.html>.
28. Мисирков К. «Повече македонци» / К. Мисирков // <http://www.kroraina.com/knigi/bugarash/misirkov/misirkovstatii2.html>
29. Митева Ю. Идеята за езика в Македонския литературен кръжок – естетически и идеологически аспекти / Ю. Митева // <http://liternet.bg/publish8/iuiniteva/ezika.htm>
30. Павлов Т. Поезията на Венко Марковски. Критически очерк / Т. Павлов. – София, 1939.
31. Суйецка Й. Балкански места на паметта. Терминът Македония и образът на Никола Вапцаров в българския и македонския времепространствен континуум / Й. Суйецка // <http://www.ilit.bas.bg/bi/include.php?file=JoSujecka>
32. Ристовски Бл. Древно-политичка метаморфоза на бугарската наука за Никола Вапцаров / Бл. Ристовски // Народна воля. – 2006. – Юни.
33. Галчин П. Македонски литературен кръжок (1938 – 1941 г.) / П. Галчин // http://www.promacedonia.org/mpr/mp_glachin.html
34. Вапцаров Н. Илинденска / Н. Вапцаров // <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=17&WorkID=166&Level=1>

35. Вапцаров Н. Родина / Н. Вапцаров // <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=17&WorkID=118&Level=3>
36. Александров В. Към уясняване предмета и същността на национал-революционната художествена литература / В. Александров // Македонски вести. – 1936. – 16 октомври.
37. Рацин К. Националното прашање во Македонија / К. Рацин // http://www.marxists.org/makedonski/racin/nac_prasanje.htm